

К вопросу о некоторых особенностях перевода поэтических произведений Ли Цинчжао на русский язык

А.А. АКСЁНЧИКОВА-БИРЮКОВА

В статье выявляется специфика развития переводческого процесса китайской классической поэзии в России. На примере переводов на русский язык стихотворений поэтессы Ли Цинчжао поэтами М.И. Басмановым, А. Алексеевой, С.А. Торопцевым, Ю.М. Ключниковым определяются различные подходы к решению данного вопроса. Переводчики большое внимание уделили пониманию образов китайской классической поэзии, биографии Ли Цинчжао, эпохе, в которую она творила, но в работах каждого из них отражены особенности их мировоззрения.

Ключевые слова: литературный перевод, китайская классическая поэзия, китайский язык, Ли Цинчжао.

The article reveals the specifics of the development of the translation process of Chinese classical poetry in Russia. Using M.I. Basmanov's, A. Alekseeva's, S.A. Toroptsev's, Yu.M. Klyuchnikov's translations of Li Qingzhao's poems into Russian, various approaches to solving this issue are determined. The translators paid great attention to understanding the images of Chinese classical poetry, the biography of Li Qingzhao, the era in which she worked, but each translation reflects the peculiarities of their own worldview.

Keywords: literary translation, Chinese classical poetry, Chinese language, Li Qingzhao.

Литературный перевод в настоящее время играет значительную роль во взаимодействии различных культур, являясь мощным стимулом для развития литературы, воплощая в себе сочетание традиций местных литературных произведений с творениями авторов других стран. В то же время национальная лингвокультурная специфика поэтического текста, заключающаяся в своеобразии лексики, грамматики, культурном контексте, стихотворной форме произведения, создает определенные трудности для художественного перевода.

Создание литературного перевода сопоставимо с самостоятельным поэтическим творчеством. Поэт, работая над переводом поэтического текста, не только подбирает эквиваленты слов и выражений, но и выражает эмоции автора, его мысли, в какой-то степени пишет новое произведение. В России на протяжении долгого времени стихотворные переводы входили в русскую поэзию как произведения, являющиеся в большей мере достоянием переводчика, а не переводимого автора, их целью при этом являлось самовыражение переводчика. Во второй половине 20-х гг. XIX в. начали формироваться переводческие принципы, которые предполагали сознательное подчинение переводчика художественной системе другого автора [1].

К концу XX в. сформировалось несколько стратегий переводческого процесса поэтического текста – от буквального, формального перевода до вольного, свободного. По утверждению академика М.Л. Гаспарова, нет «переводов плохих и хороших, равно как и переводов идеальных или канонических, так как ни один перевод не способен передать полностью оригинал. При переводе каждый выбирает в подлиннике только то, что считает главным, подчиняя ему второстепенное и опуская при этом третьестепенное. Переводчик полагается на свой вкус, взгляды своей литературной школы и исторической эпохи в целом» [2]. У каждого из них различная социальная и культурная среда, структура личных знаний, мировоззрения. Разница в понимании поэтического текста является основным фактором, вызывающим различные виды переводов.

Перевод китайской классической поэзии на русский язык сопряжен со значительными трудностями, что связано не только с тем, что китайский язык имеет иероглифическое письмо, но и с особой образностью, метафоричностью и смысловой насыщенностью поэтических произведений. Поэт, работающий над художественным переводом, должен учитывать культурные особенности стихотворения, время его написания, биографию автора, иметь опыт литературной стилизации и способности литературоведа.

Сюй Юаньчун (1921–2021) – известный китайский переводчик, важнейший представитель школы, выступающей за точный и рифмованный перевод поэзии, выдвинул «Теорию трех красот», согласно которой переводная поэзия должна быть основана на передаче красоты оригинала – красоты смысла, звука и формы. В книге 《文学与翻译》 [Wénxué yǔ fānyì] «Литература и перевод» Сюй Юаньчунь пишет: 译诗要像 原诗一样能感动读者的心, 这是意美; 像原诗一样有悦 耳的韵律, 这是音美; 还要尽可能保持原诗的形式, 这是形美 [Yì shī yào xiàng yuán shī yīyàng néng gǎndòng dúzhě de xīn, zhè shì yì měi; xiàng yuán shī yīyàng yǒu yuè'ěr de yùnlǜ, zhè shì yīn měi; hái yào jǐn kěnéng bǎochí yuán shī de xíngshì, zhè shì xíng měi] – Переводное стихотворение должно согревать душу читателя, как и оригинальное, в чем красота смысла; в переводе необходимо сохранить приятный ритм оригинала, в чем заключается красота звука; оно также должно сохранить, насколько это возможно, его структуру, в чем заключается красота формы [3].

Предметом данной работы являются особенности перевода стихотворений Ли Цинчжао (1084–1151) на русский язык. Материалом исследования послужили переводные поэтические тексты, авторами которых являются М.И. Басманов, А. Алексеева, С.А. Горощев, Ю.М. Ключников.

Рассмотрим различные подходы к переводу на русский язык китайской классической поэзии на примере произведений поэтессы эпохи Сун Ли Цинчжао. Язык ее стихотворений необычен, изящен, метафоричен и эмоционален.

Представителями первого направления можно назвать переводчиков М.И. Басманова и А. Алексееву, которых отличает стремление к точности перевода. Объем переводных стихотворений по сравнению с оригиналом увеличен, что позволяет авторам очень тонко передать все эмоции, которые эксплицитно и имплицитно выражала в своих поэтических творениях Ли Цинчжао.

Поэт и переводчик М.И. Басманов (1918–2006) первым познакомил русского читателя с творчеством Ли Цинчжао. В 1970 г. вышла его книга «Строфы из граненой яшмы» [4], в которой были представлены переведенные на русский язык стихотворения поэтессы. М.И. Басманов очень бережно относился к тому, чтобы его перевод точно передавал оригинальный текст произведения. Прекрасное владение русским и китайским языками позволило переводчику точно воссоздать поэтическое содержание и музыкальность стихотворений Ли Цинчжао.

Переводческая стратегия М.А. Басманова состоит в выделении таких образов-символов, которые актуализируют процесс познания через диалог русского читателя с китайской поэтессой. К ним, в частности, относятся *мэйхуа*, *хризантема*, *дикий гусь*, *западная башня*, *лотос*, *флейта*:

Печальный голос слышен мне: / «Наши старый друг, прощай!» / То гуси где-то в вышине / Летят в далекий край. / Здесь было много хризантем, Цвели – и отцвели. О них не вспомнят... и зачем? / Валяются в пыли (《寻寻觅觅》 [Xún xún mì mì] «Грусть в сердце и смятение дум...»);

Ушел он, кто только что пробовал флейту, / Зияет покинутой башни пролет. / И страшно подумать, что вместе со мною / На верх этой башни никто не взойдет (《藤床紙帳朝眠起》 [Téng chuáng zhǐ zhàng cháo mián qǐ] «На ложе из тэна за пологом тонким...»);

Свет лунный над западной башней / И туч поредевшая стая. / Не гусь ли доставит / Письмо мне? Кричит он, В ночи пролетая... (《红藕香残玉簟秋》 [Hóng ǒu xiāng cán yù diàn qiū] «Не радуется лотос увядший...»);

Падает снег. А в саду мэйхуа, / Как всегда, в эту пору цвела. / Помню, веточку алых цветов, / Захмелев, я в прическу вплела (《年年雪裏》 [Nián nián xuě lǐ] «Падает снег. А в саду мэйхуа, как всегда, в эту пору цвела...»).

Употребляя номинации *заколка для волос*, *подушка*, *курильница*, *халат*, *клепидра*, переводчик значительное внимание уделяет описанию предметного мира, который окружает героиню:

Из яшмы курильница за ночь остыла, / Дымок ароматный исчез без следа. / Так чувства мои, что бурлили когда-то, / Теперь словно в заводи тихой вода. (《藤床紙帳朝眠起》 [Téng chuáng zhǐ zhàng cháo mián qǐ] «На ложе из тэна за пологом тонким...»);

Я надела расшитый халат, / Что носила прошлой весной... / Головою к подушке прильнув, / Я сломала феникс резной (《暖雨晴风初破冻》 [Nuǎn yǔ qíng fēng chū pò dòng] «Ветер ласковый, теплый дождь растопили последний лед...»).

М.И. Басманов дополнительно вводит в текст эпитеты, пояснения, метафоры, не отражающие культуру Китая, которые несколько русифицируют его, делают стихотворения ближе для восприятия русским читателем: *горько рыдает, как на беду, паутина грусти, горечь разлуки, сметено временем, таинство, ни жива ни мертва, смятенье дум:*

Всюду в доме моем тишина, / И душа паутиною грусти / Крепко-крепко оплетена (《寂寞深閨》 [Jì mò shēnguān] «Всюду в доме моем тишина...»);

Где-то, но где – я не знаю, / Горько рыдает свирель. / Голос ее то затихнет, / То донесется в окно (《小閣藏春》 [Xiǎo gé cáng chūn] «В маленький терем проникла и притаилась Весна...»);

Дымятся ветки опущенной ивы, / И звуки флейты грустные слышны, / Поет она про увяданье сливы – О, таинства извечные весны! (《落日熔金》 [Luò rì róng jīn] «Расплавленное золото заката...»);

Грусть в сердце и смятенье дум, / Тревожит каждый звук. / Холодный мир вокруг угрюм, / И пусто все вокруг (《寻觅觅》 [Xún mì mì] «Грусть в сердце и смятенье дум...»);

Проснулась я за полночь вдруг, / Лежу ни жива ни мертва – / Из вазы, что подле меня / В глаза мои смотрит весна (《春到長門春草青》 [Chūn dào cháng mén chūncǎo qīng] «Весна по Чанмыню идет...»).

Переводчик дает небольшие пояснения в конце некоторых стихотворений. Это касается используемых в тексте топонимов (Чанъань, Молин, Цзянкан – древние столицы Китая, Улин, Чанмынь), названий некоторых праздников (Праздник поминовения усопших – Цинмин, Праздник середины осени – Чжунцзю), а также названий растений (мэйхуа, мусихуа).

Переводчица Алена Алексеева является приверженцем поэтической концепции перевода профессора Л.Н. Меньшикова. В своей работе она руководствуется такими принципами, как сохранение рифмы, благозвучие, исключительная точность в передаче подлинника.

В 2019 г. вышла книга «Яшмой звенящие цы» [5], в которой представлены стихотворения Ли Цинчжао в переводах А. Алексеевой. Поэтесса избегает в переводах лишних деталей и не перегружает их дополнительными образами.

В то же время следует отметить яркую эмоциональность переводов А. Алексеевой, которая акцентирует внимание душевных переживаниях героини и на причинах, переполнявших ее чувства:

Иссякло куренье, угасло куренье, / сердце болит от утрат, / Западный ветер, теплее оденусь, / листья утуна летят (《臨高閣》 [Lín gāogé] «С башни я вижу вдаль...»);

Печалюсь о том, что весна позади, / Цветы мэйхуа / срывают, терзают дожди (《寂寞深閨》 [Jì mò shēnguān] «В покоях моих я скучаю одна...»);

И боль расставанья терзает меня, / заполнила сердце тоска, / Разлуку мне вынести хватит ли сил? (《昌樂館寄姊妹》 [Chāng lè guǎn jì zǐmèi] «Расставание двух любящих на постоялом дворе»);

И волны весенние катит река, / как сердцу покой обрести? / Не чувствую – шелковый влажен халат, / и плачу о прошлом опять, / Гуменник один меня сможет понять (《帘外五更风》 [Lián wài wǔ gēng fēng] «На пятую стражу вдруг ветер холодный подул...»).

Переводы многих произведений Ли Цинчжао А. Алексеева снабжает комментариями, чтобы читатель мог глубже понять эпоху, в которую жила и творила поэтесса, культурные и исторические реалии того времени. Переводчица выявляет в стихотворениях аллюзии на поэтические тексты великих предшественников: Ли Бо (в молчанье за чаркой вина), Лю Фанпина (дождем обрывает на груше цветы), Тао Юаньмина (восточный плетень), Бо Цзюйи (и длится и длится печаль), которые позволяют ей передать эмоции героини:

Вино за восточным плетнем в этот день / мы пили с тобой год назад, / Хранят рукава и нынче цветов аромат (《薄雾浓云愁永昼》 [Bó wù nóng yún chóu yǒng zhòu] «Туман, облака, долгий пасмурный день...»);

Прохладно, и руки согреть у огня, / светильник зажгу я теперь, / Дождем обрывает на груше цветы, / закрою тяжелую дверь (《枝上流莺和泪闻》 [Zhī shàngliú yīng hé lèi wén] «Я слушала пение иволги той...»);

Стемнело, не видно гусей и следа. / Но кто же письмо передаст? / На башне стою, глядя вдаль, / И длится, и длится печаль (《春暮》 [Chūn mù] «Весна в Императорский город пришла...»).

Переводчица большое внимание уделяет пояснению древних китайских праздников (*Ханьши* – праздник холодной пищи, *Цинмин* – день поминовения предков, *Чунъян* – праздник двойной девятки, *Юаньсяо* – праздник фонарей), топонимов (*Чанъянь*, *Пурпурная гора* – небольшая гора у города Нанкин, с которой связано много исторических событий, *Наньпу* – название переправы), известных личностей (*Чжун Сюань* – китайский император династии Тан) и мифологических персонажей и реалий (*Ткачиха и Пастух*, *птица Пэн*, *Пэнлай* – одна из трех священных гор в китайской мифологии, *Священные горы*), время с трех до пяти часов утра (*пятая стража*), названия цветов (*кинмокусей*, *гуйхуа*), упоминаемых в стихах Ли Цинчжао. Все это помогает читателям, которые не владеют китайским языком и не знают исторических и культурных нюансов, лучше понять смысл поэтических произведений Ли Цинчжао.

Несколько иной взгляд на переводческий процесс имеет востоковед, переводчик С.А. Торопцев (род. 1940). По его мнению, переводчику необходимо сотрудничать с ученым-энциклопедистом, однако в первую очередь он должен сам проникнуться эмоциями, музыкой оригинала, увидеть мир глазами автора переводимого стихотворения и пытаться найти всему соответствия в своей душе.

Сборник «Я – птица» [6], изданный в 2020 г., содержит лирические произведения Ли Цинчжао. Переводчик не стремится к словарной точности и правильной расстановке знаков препинания, тем более что по его утверждению, в разных оригинальных изданиях они могут находиться в разных местах [7].

Как считает С.А. Торопцев, обширные комментарии отвлекают читателя от целостного восприятия поэтического текста, однако дают ему возможность понять замысел автора переводимого стихотворения. Переводчик дает небольшие пояснения, касающиеся китайских праздников (*Праздник фонарей*, *Чунъян*), имен (*Хэ Мунь*, поэты – *Цюй*, *Тао*), аллюзий (*Ван Цанева печаль*, *парчовое письмо*, *Цзянкан*, *Молин*, *западная застава*, *Улин*, *восточный плетень*), мифологической реалий (*Холмы бессмертных*, *Пэнлай*), имеющиеся в оригинальных поэтических текстах Ли Цинчжао.

Отличительной чертой переводов С.А. Торопцева является их глубина, высокая степень сконцентрированности и лаконичность, что соответствует основным принципам китайской классической поэзии и произведениям Ли Цинчжао, в частности. Поэт передает смысл переводимого стихотворения, эмоции, которые испытывал автор, не увеличивая при этом количество строк и сохраняя графический рисунок.

При переводе стихотворений поэтессы он использует слова возвышенной лексики: *нега*, *завывал ветрило*, *доселе*, *стучится у врат*, *ложе*, *одр стыл*, *думою полна*, *полночный хлад*, для того чтобы воссоздать атмосферу древней эпохи:

Всю ночь лил ливень, завывал ветрило, / забылась сном, не распростившись с хмелем (《其二 昨夜雨疏风骤》 [Qí èr zuóyè yǔ shū fēng zhòu] «Всю ночь лил ливень, завывал ветрило»);

Дух лотоса иссяк, и одр мой стыл, / пора сменить одежды лета. / На ложе я опять одна, / парчовый стих не получил ответа (《红藕香残玉簟秋》 [Hóng ǒu xiāng cán yù diàn qiū] «Дух лотоса иссяк, и одр мой стыл»);

Так трижды в два года Владыка весны / приходит в наш сад – / и нынче он снова стучится у врат (《春到長門春草青》 [Chūn dào cháng mén chūncǎo qīng] «Весна у высоких ворот...»);

Опять чунъяново веселье, / а под моей москитной сеткой – / полночный хлад нещадно резкий (《薄雾浓云愁永昼》 [Bó wù nóng yún chóu yǒng zhòu] «Насуплен день и тягостно немерен»).

Переводя названия растений, С.А. Торопцев использует греческое название хризантемы – *хрисанф* ‘златоцветный’, и общеизвестное название мифологического дерева утун – *платан*;

С вином к плетню пойду, уж день потух, пронзит меня хрисанфа тонкий дух (《薄雾浓云愁永昼》 [Bó wù nóng yún chóu yǒng zhòu] «Насуплен день и тягостно немерен»).

В то же время поэт стремится приблизить дух стихотворения к менталитету русского читателя, вводя в текст стихотворения элементы, передающие христианское мировоззрение – *горный престол, тварный мир*:

Душа моя сблизилась с горным престолом, / и было мне Слово: / чего, спросил Он, достичь я готова (《天接云涛连晓雾》 [Tiān jiē yún tāo lián xiǎo wù] «С земными смешались небесные волны»).

Переводы поэта Ю.М. Ключникова (род. 1930) сам автор относит к категории так называемых вольных переводов, свободных переложений, стихов по мотивам, поэтических откликов на стихотворения китайских авторов. В 2018 г. вышел сборник переложений стихотворений китайских авторов «Поднебесная хризантема: 30 веков китайской поэзии» [9]. Поэт, не владея китайским языком, пишет поэтические произведения с использованием подстрочников.

Автор не ставит перед собой цели добиться буквальной точности, но в то же время стремится передать национальный дух стихотворений. Для поэта важно, чтобы при переводе рождались хорошие русские стихи, близкие и понятные читателю. По мнению Ю.М. Ключникова, русификация китайской поэзии неизбежна [8]. Он стремится китайскую поэтическую форму сделать близкой русской. Одним из принципов, которым поэт руководствовался в своей работе, является обязательное использование рифмы, помогающее читателю воспринимать поэтический текст.

Ю.М. Ключников сохраняет значимые для китайской поэзии образы – *хризантема, лотос, гусь, западный ветер, башня, восточный плетень, цветы груши*:

Гусь одинокий надо мною / С тревожным криком пролетает (《红藕香残玉簟秋》 [Hóng ǒu xiāng cán yù diàn qiū] «Цветок не радуется увядший...»);

Мне вспомнились закатные мгновенья – / Мы вместе у восточного плетня... (《薄雾浓云愁永昼》 [Bó wù nóng yún chóu yǒng zhòu] «Уходит день, и туча серой птицей клюет во тьме Девятую Луну...»);

И ветер западный бесчинствует в окне!.. / Ты видел бы, как вянет хризантема, / Когда бы заглянул в окно ко мне (《薄雾浓云愁永昼》 [Bó wù nóng yún chóu yǒng zhòu] «Уходит день, и туча серой птицей клюет во тьме Девятую Луну...»).

В то же время поэт старался не утяжелять свои переводы китайскими терминами, топонимами, именами, чтобы избежать комментариев и пояснений, которые, по его мнению, отвлекали бы читателя от постижения духа стихотворения, его сути.

Ю.М. Ключников использует образы, уточнения, эпитеты и метафоры не характерные для китайской классической поэзии, но понятные русскому читателю (*полузакрытые глаза, счастья пушинки, древнее преданье, туча-птица, кувшинки, простор голубой, вешняя капель, весны приметы, туча серой птицей*):

Сели в лодку. Поплыли назад, / Раздвигая в дороге кувшинки. / В наших полузакрытых глазах / Тихо таяли счастья пушинки (《其一 常记溪亭日暮》 [Qí yī cháng jì xī tíng rì mù] «Мы с тобою в хмельном забытии...»);

Какую весть несет, – не знаю, / На север с южной стороны? / Быть может, древнее преданье, / Иль предстоящее свиданье... (《红藕香残玉簟秋》 [Hóng ǒu xiāng cán yù diàn qiū] «Цветок не радуется увядший...»);

Видно, душа захотела / Вырваться вдруг к свободе, / На вечный простор голубой (《天接云涛连晓雾》 [Tiān jiē yún tāo lián xiǎo wù] «Сон мне приснился недавно...»);

Уходит день, и туча серой птицей / Клюет во тьме Девятую Луну (《薄雾浓云愁永昼》 [Bó wù nóng yún chóu yǒng zhòu] «Уходит день, и туча серой птицей клюет во тьме Девятую Луну...»).

Кроме того, для создания вольного перевода поэт мог использовать часть оригинального стихотворения. Таковы его стихи по мотивам «В саду коснулась веточки сирени...», «За горизонтом скрылась туча-птица...», отсылающие к произведению Ли Цинчжао 《藤床纸帐朝眠起》 [Téng chuáng zhǐ zhàng cháo mián qǐ] «На ложе плетеное утренний свет...» и стихотворение «Уж нет того, кто вдохновлял мою свирель...», являющееся откликом на произведение 《梦断漏悄》 [Mèng duàn lòu qiāo] «Проснулась, клепсидра почти не слышна...».

Однако необходимо отметить, что все подобные «вольности» переводчика позволяют ввести стихотворения китайской поэтессы в русский литературный контекст, сохранив при этом эмоциональное настроение оригинала, соединяя русскую и китайскую поэтические традиции.

По утверждению В.М. Алексеева, для китайских стихотворений не существует каких-либо стабилизированных принципов перевода: каждый из них отвечает своему читателю и назначению, и мастерство переводчика индивидуально. М.И. Басманов, А. Алексеева, С.А. Торопцев, Ю.М. Ключников большое внимание уделили пониманию образов китайской классической поэзии, биографии Ли Цинчжао, эпохе, в которую она творила, но каждый из переведенных текстов отражает особенности мировоззрения самих переводчиков.

Литература

1. Гаспаров, М. Л. Брюсов и буквализм / М. Л. Гаспаров // Поэтика перевода. – Москва, 1988. – С. 51.
2. Левин, Ю. Д. В. А. Жуковский и проблема переводной поэзии / Ю. Д. Левин // Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. – Л. : Наука, 1985. – С. 8–26.
3. 许渊冲. 文学与翻译. 北京: 北京大学出版社, 2003 年. 84 页. = Сюй, Юаньчунь. Литература и перевод / Сюй Юаньчунь. – Пекин : Изд-во Пекинского университета, 2003. – 84 с.
4. Цин-чжао, Ли. Строфы из граненой яшмы / Ли Цин-чжао ; пер. с кит. М. Басманова. – М., Изд-во «Художественная литература», 1974. – 104 с.
5. Цин-чжао, Л. Яшмой звенящие цы. В переводах А. Алексеевой / Л. Цинчжао. – Екатеринбург : «Издательские решения», 2019. – 37 с.
6. Я – птица. Лирика Ли Цинчжао / пер. с кит. С. А. Торопцева. – СПб. : Нестор-История, 2020. – 116 с.
7. Торопцев, С. А. Перевод китайской классической поэзии : калька или сотворчество? / С. А. Торопцев // Проблемы литератур Дальнего Востока : VIII Международная научная конференция, Санкт-Петербург, 24–28 августа 2018 г. : сб. материалов ; отв. ред. А. А. Родионов, Н. А. Сомкина. – СПб. : ИПК «НП-Принт», 2018. – Т. 1. – С. 203–121.
8. Ключников, Ю. М. Поднебесная хризантема : 30 веков китайской поэзии. Вольные переводы. Свободные переложения. Стихи по мотивам / Ю. М. Ключников ; Союз писателей России. – М. : Беловодье, 2018. – 688 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 26.02.2024